

К 45-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

© 2017 г. В. А. Кольцова^{1*}, А. Л. Журавлев^{1**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия;

*Доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института психологии РАН.
E-mail: fotus@yandex.ru

**Академик РАН, профессор, директор Института психологии РАН. E-mail: adm3@psychol.ras.ru

Поступила 09.01.2017

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа проблемы менталитета. Рассмотрена структура данного феномена, раскрыты его сущностные характеристики, функции в развитии личности и общества, соотношение с культурой. Обоснована необходимость использования системного подхода как условия выявления своеобразия менталитета. На основе анализа работ таких исследователей русского народа, как Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, К. Д. Кавелин, И. В. Киреевский, В. О. Ключевский, Д. С. Лихачев, М. П. Погодин и др., выделены его психологические черты (религиозность, соборность, терпеливость, способность стойко переносить лишения, патриотизм, приоритет духовных ценностей над материальными, “жажда справедливости”, стремление к поиску правды и т.д.). Рассмотрены факторы формирования российского менталитета (природно-географический; особенности исторического развития, образа жизни и бытовой культуры народа; роль православия как духовной основы языка и др.). Проанализировано соотношение традиционности и инновационности в развитии менталитета.

Ключевые слова: менталитет, структура менталитета, факторы формирования менталитета, бессознательные компоненты, национальный характер, самобытность и самоидентификация народа.

DOI: 10.7868/S0205959217030011

АКТУАЛЬНОСТЬ, НАУЧНАЯ И
ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ
МЕНТАЛИТЕТА

Происходящие в России в последние десятилетия глубокие преобразования в разных сферах общественной жизни оказывают влияние на традиционные ценности, приоритеты и нормы в сознании россиян. Новая модель общественного развития в качестве одного из основных векторов включает переход от сложившихся в многовековой истории нашего народа коллективистических ценностей и отношений к индивидуалистическим. По сути, происходит процесс преобразования важных характеристик российского менталитета как глубинного основания целостности и самобытности народа.

Сегодня проблема менталитета обретает статус области *междисциплинарного знания*, в которой пересекаются интересы разных отраслей

социогуманитарного научного знания: социологии, культурологии, истории, философии, этнографии, источниковедения. Но, безусловно, основная роль в ее разработке принадлежит психологии, что определяется сущностью менталитета как психологии народа.

Тенденция роста интереса к проблеме менталитета в современной психологии и смежных с ней отраслях знания обусловлена значительным объяснительным потенциалом данного феномена при разработке широкого спектра научных проблем. Очевидно, что в какой бы ипостаси не выступал человек – как субъект экономической, политической, общественной деятельности, в своих социальных или индивидуальных проявлениях – он всегда в той или иной мере, осознанно или неосознанно, эксплицитно или имплицитно несет в себе ментальные характеристики, впитанные в процессе социализации, жизни в своей культуре и природном окружении и ставшие органической частью его личного психологического

пространства. Обращение к проблеме менталитета обусловлено стремлением выявить “корни” и эксплицировать причинную обусловленность поведения и действий человека, а также социальных групп, системы их отношений к разным сторонам действительности.

Ментальность личности — та внутренняя психологическая среда, через которую преломляются любые внешние воздействия, и которая определяет отношение человека к разным явлениям и событиям окружающей действительности, эффективность его взаимодействия с миром.

То же относится и к народу в целом как носителю менталитета. В *менталитете* воплощается совокупность корневых психологических черт народа, характеризующих его своеобразие, особенности его национального характера, мировосприятия. Как отмечает Д. С. Лихачев, “национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности, значит делать мир народов очень скучным и серым” (Лихачев, 1984, с. 40).

О своеобразии и неповторимости каждого народа пишет Г. Д. Гачев, считая необходимым определение его специфических качеств, субстанции, характера мышления, психики в целом, “потому что народы, как музыкальные инструменты: один — скрипка, другой — гобой, третий — орган и т.д. Все музыканты, но тембр разный” (Гачев, 2003, с. 440).

Менталитет выступает тем верховным определителем, которым обусловлены традиционные для народа формы человеческого сознания и поведения, восприятия и отношения к разным социальным явлениям.

Этим объясняется, например, непонятное многим представителям так называемого “цивилизованного мира” отношение наших людей к ряду инноваций в современной социальной жизни европейских стран и Америки — признанию однополых браков, гомосексуализма, доходящим до абсурда принципам политкорректности и свободы, дающим право кому-то цинично осмеивать религиозные ценности других людей, издеваться над человеческими трагедиями, беспардонно вторгаться в личную жизнь любого человека и т.д.

Однако за этим стоят не приписываемые западными политтехнологами нашему народу “непредсказуемость”, консерватизм и “цивилизационная отсталость”, а сохраняющаяся у него приверженность традиционным ценностям как составной части российского менталитета.

Непонятной и необъяснимой, с позиции западного мышления, является и реакция россиян на введенные санкции и трудности, связанные с кризисным состоянием экономики. Казалось бы, ухудшение материального положения значительной части населения должно было вызвать усиление протестных настроений, а на деле наблюдается консолидация народа, одобрение внешнеполитических действий властей, что подтверждается растущим рейтингом Президента РФ. И здесь вновь проявляется сила менталитета: присущие русскому народу-идеалисту терпение, способность и готовность стойчески переносить лишения и трудности во имя высших целей, предпочтение духовных ценностей материальным.

На это указывали многие русские мыслители. Так, по мнению И. А. Сикорского, “самым важным плодом терпения у русского народа является самообладание, способность подавлять в себе волнение и вносить мир в собственную душу. Терпение и покорность судьбе должны быть, несомненно, признаны как самые выдающиеся особенности русской души” (Сикорский, 1899, с. 40). Сикорский отмечает, что русского человека мало интересует окружающая обстановка жизни, он обходится без внешнего комфорта, необходимого англичанину, и без избытка изящества, которым окружает себя француз; русский довольствуется простыми условиями существования, не ищет удобств и “всему предпочитает теплую душу и открытое сердце”.

Согласно И. В. Киреевскому, материальное благополучие воспринимается русским народом как второстепенное условие общественной жизни, подчиненное высшим целям и условиям. Он стремится путем внутреннего возвышения над внешними потребностями преодолеть тяжесть внешних нужд (Киреевский, 1952). На жизненную стойкость и силу духа русского народа, его способность противостоять ударам судьбы, сохранять свои лучшие качества в самых тяжелых условиях указывает Ф. М. Достоевский (Достоевский, 1994, с. 48).

Конечно, жизнь вносит коррективы в сознание и поведение людей: формируется привычка к бытовому комфорту, спокойной и безопасной жизни. Однако в сложные моменты, при столкновении с критическими обстоятельствами на

поверхность выходит то, что находится в глубинных пластах души русского человека, давая ему силы для выживания, преодоления трудностей и лишений.

Исследование российского менталитета имеет не только научное, но и *практическое значение*. Полученные в его ходе данные позволяют наметить адекватную, отвечающую ментальным особенностям народа, его ожиданиям и чаяниям социальную политику. Проводить какие-либо социальные преобразования без апелляции к культурной традиции и менталитету народа — это значит заведомо обрекать их на серьезные трудности. И пробуксовка тех социальных преобразований, которые осуществлялись в 1990-е гг. и осуществляются в настоящее время в нашей стране, как представляется, обусловлена, в первую очередь, несоответствием их направленности исконно русскому мировосприятию, укоренившимся в нашей культуре нравственным представлениям, идеалам и ценностям.

Менталитет — это своеобразный “фильтр”, через который преломляются и посредством которого оцениваются все инновации в жизни народа, способствующий сохранению того, что соответствует его глубинным психологическим чертам, и противодействующий вторжению в его структуру антагонистичных его природе элементов. С этой точки зрения, менталитет рассматривается в его *избирательной, селективной и защитной функциях*.

Особенности современной социальной жизни убедительно демонстрируют, что сложившиеся устойчивые образования менталитета нашего народа ставят заслон на пути вхождения в его культуру и образ жизни чуждых инновационных нововведений (индивидуализма, коммерциализации разных сфер жизни, конкурентных отношений, идеи обогащения любой ценой и т.д.). Может быть, поэтому с таким трудом приживаются в нашей стране новые формы общественной жизни, связанные с утверждением капиталистических отношений. Большинство населения страны отвергает их, причем, не по идеологическим соображениям, а исходя из природы своего менталитета, антибуржуазного по своей сути. Как пишет Н. А. Бердяев, “русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни” (Бердяев, 1997, с. 12). Более того, живаясь и обогащаясь, он испытывает чувство вины, “ощущает себя немного грешником” (Бердяев, 1989, с. 76). Отсюда, по мнению Бердяева,

вытекает неприятие русскими людьми буржуазного мира.

Именно учет особенностей менталитета народа может предохранить от ошибок в проектировании и реализации нововведений в общественной жизни.

К числу последних можно отнести, например, монетизацию льгот, поставившую во главу угла финансовые соображения и не учитывающую важность для русского человека, прежде всего, моральной оценки его заслуг и достижений. Столь же непродуманной является образовательная политика государства, строящаяся на основе зарубежных лекал и, в конечном счете, ориентированная на развитие не творческой личности, а делового и предприимчивого менеджера со стереотипным мышлением, что чуждо нашему народу, отвергающему сугубо прагматические ценности.

В этом ряду можно отметить и инновации в сфере российской науки, игнорирующие ее национальные особенности. В свое время И. А. Ильин, отмечая своеобразие русской научной мысли, подчеркивал, что отечественную науку роднит с мировой ориентация на общечеловеческую логику, принципы научной доказательности, направленность на главную цель — постижение истины. Но в отличие от западных абстрактных, рассудочных построений, русская наука вносит в исследовательский процесс “начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести”¹. Русская наука не должна быть “мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения”². В отличие от этого, русский ученый призван видеть и изучать *целостный предмет* во всех его гранях. По сути, Ильин выделяет те черты, которые всегда отличали отечественную научную мысль — целостное изучение явлений, глубокая личностная включенность ученого в исследовательский процесс, признание важности этической составляющей научной деятельности. Важным компонентом научного исследования, по Ильину, также является творческая свобода. Резюмируя, И. А. Ильин пишет, что русский ученый должен быть “не ремесленником и не бухгалтером явления, а художником в исследовании, ответственным импровизатором, свободным пионером познания”³.

¹ Ильин И. А. О русской идее. URL.: www.pravoslavie.ru/367.html

² Там же.

³ Там же.

Поразительны глубина и полнота рассмотрения русским мыслителем тех основ, на которых должно базироваться отечественное научное мышление.

Обращаясь к современному состоянию развития науки, прежде всего фундаментальной, к глубокому сожалению, следует констатировать, что приоритетными в ее ориентации в настоящее время являются не национальные традиционные формы организации и оценки ее результативности, а нормы, принятые в зарубежных научных сообществах, например, такие, как минимизация государственного финансирования, введение грантовой системы, превалирование в оценке деятельности ученых количественных, наукометрических показателей, коммерциализация науки, утверждение принципов прагматизма и т.д.⁴ Это не может не подрывать те основания, на которых всегда базировалась отечественная наука — ее высочайшую теоретическую фундаментальность, ориентацию на раскрытие глубинных, сущностных основ бытия мира и человека, целостность и системность, антипрагматизм и антипозитивизм, творческий полет мысли, гармоничное сочетание естественнонаучного и гуманитарного знания. Именно этот путь развития науки обеспечил ее огромные достижения, которые в короткий срок в XX столетии вывели Россию в число лидеров в области научно-технического прогресса.

В социогуманитарных науках выход из этой ситуации очевиден — возвращение к своим “корням”, творение своего и по-своему: “русского по-русски”.

Не следует также забывать о том, что особую ценность для русского народа представляет справедливость, традиционно отождествляющаяся с правдой и истиной. Об особой чувствительности русского человека к вопросам совести, присутствием ему чувстве социальной справедливости, поиске правды пишет Н. О. Лосский, отмечая, что в случае разочарования в правде и добре, русский человек может дойти до крайних проявлений агрессии и жестокости (Лосский, 2005). Это предостережение выдающегося исследователя психологии русского народа в настоящее время звучит чрезвычайно актуально. Русский народ готов мужественно переносить трудности, “пострадать ради блага Отечества”, но он никогда не сможет примириться с несправедливостью.

Ментальные характеристики, укорененные в жизнедеятельности и коллективной памяти

народа, способствуют адаптации человека в обществе, его социализации и культуризации, и в этом проявляется их *адаптивная функция*.

Обеспечивая актуализацию накопленного опыта при решении жизненно важных задач, возникающих на каждом новом этапе исторического развития, менталитет, тем самым, выступает в своей *активной, созидательной функции*.

Менталитет — это то начало, которое объединяет людей, живущих в едином культурном пространстве, в особую живую целостность, наделенную самосознанием, самоидентификаций, осознанием ценности своей культуры, в чем проявляется его *консолидирующая функция*. В связи с этим обращение к проблеме менталитета отвечает актуальным запросам национальной и общечеловеческой безопасности.

Наконец, нельзя не отметить, что особую актуальность разработка проблема менталитета приобретает в связи с динамикой мировых процессов.

Особенностью современной ситуации является усиливающаяся глобализация мировой культуры. Расширение средств коммуникации, массовая миграция населения порождают тенденцию взаимопроникновения культурных традиций в значительно большей степени, чем в предшествующие эпохи. Происходит целенаправленное разрушение национальных государств, не вписывающихся в планы проектировщиков нового мирового устройства.

Эта стратегия установления мирового порядка не нова. В конце XIX в. ее сущность была вскрыта русским мыслителем Н. Я. Данилевским, решительно отстаивающим идею о существовании особой славянской культуры и ее ценности (Данилевский, 1895). Он был уверен, что невозможно привить цивилизацию извне, и совершенно недопустимо отказываться от своей “народности”. Идею существования одной (европейской) цивилизации и единой мировой истории Данилевский противопоставляет учение о различных *культурно-исторических типах*, имеющих своеобразную историю и закономерности развития, самоценных и несопоставимых друг с другом с позиции уровня их совершенства.

Сегодня на смену европоцентризма пришел американоцентризм, хотя существо глобализационного процесса не изменилось.

Этому необходимо противопоставить право каждого народа на обладание собственной национальной и культурной самобытностью при открытости для взаимодействия с другими народами и нациями. А главный путь обеспечения

⁴ Об этом см. также: Шефер, Шлёдер, 2014.

самостоятельного и самобытного развития любого народа — сохранение его лучших традиций, присущих ему культурных ценностей и мировоззренческих приоритетов, объединение народа вокруг созидательных целей, открывающих перспективы его развития.

На основании всего вышесказанного можно сделать *вывод*, что, во-первых, менталитет представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, которая открывается и проявляется в разных сферах социальной жизни — в социализации и культуризации, семейном и общественном воспитании, образовании и познании, деятельности и общения и т.д.; во-вторых, менталитет обеспечивает закрепление, сохранение и трансляцию специфичных для народа форм восприятия мира, реагирования на события и явления действительности, традиций и норм, ценностей и идеалов, что важно для социализации и адаптации личности в современных условиях изменяющегося общества.

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ МЕНТАЛИТЕТА

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы менталитета, востребованность и широту использования понятия “менталитет” в современной науке, все еще явно недостаточно отрефлексированы *сущность и природа* описываемой им реальности.

Признание “ментальной связанности” человека, которая не менее сильна, чем его социальная обусловленность, у большинства исследователей сочетается с констатацией сложности, неопределенности и многозначности феномена менталитета. Этим, по-видимому, обусловлены различные подходы к его трактовке.

Так, Э. Дюркгейм, который одним из первых обратил к исследованию данного феномена⁵, рассматривает его как *коллективное сознание*, т.е. совокупность у индивидов, принадлежащих к одному обществу, общих представлений, верований, интересов, чувств, стремлений, ценностей. Коллективное сознание (или менталитет) определяется им как особый “психический тип общества”, отличающийся собственным способом существования, развития, присущими ему свойствами. Являясь особой реальностью и существуя объективно, менталитет влияет на индивидуальное сознание. И чем больше он, как “голос общественной совести”,

регламентирует социальную жизнь, тем выше уровень общественной солидарности, сильнее связь индивида с группой и макросоциумом.

Большой вклад в теоретико-эмпирическую разработку проблемы менталитета внесли создатели школы “Анналов”, Марк Блок и Люсьен Февр. Новая стратегия исторического исследования, разработанная в школе “Анналов”, заключается во всестороннем и целостном изучении всех сторон жизни общества — хозяйственно-экономических, политических, социальных, культурных. При этом особое внимание уделяется раскрытию психологической составляющей исторического процесса. Согласно М. Блоку, основной предмет исторического исследования — “человек во времени” (Блок, 1986).

В работах представителей школы “Анналов” ставится задача изучения ментальных характеристик народов различных культур и исторических периодов, воссоздания “истории чувств и образа мышления эпохи”. В качестве основной структурной единицы анализа менталитета выделяются *мировоззрение и массовые представления* людей определенного исторического периода. Не умаляя роли экономического, политического, социального процессов, они, вместе с тем, считают необходимым их рассмотрение через призму *отношения* людей к общественным явлениям. Заслугой историков данного направления является также выход за рамки традиционного рассмотрения менталитета как исключительно характеристики высших слоев общества (государственных деятелей, известных личностей, героев) к его изучению как массового социально-психологического феномена, в котором объективируются и отражаются устойчивые, глубинные свойства широких народных масс.

Трудность исследования коллективной ментальной инстанции породила стремление выделить для ее описания какой-то один, центральный компонент. Так, в работах Л. Февра ментальность сводится к сфере эмоций, а рациональные идеи оцениваются как нечто вторичное, относящееся к области индивидуальных проявлений. Из исходной *коллективной эмоциональной общности* и на ее основе, по утверждению этих авторов, на определенном этапе истории рождается индивидуальная рациональная мысль.

Американские ученые, исследующие историю становления правовых отношений, наоборот, полагают, что в основе формирования ментальных эмоциональных явлений лежат идеи, которые, закрепляясь в общественной практике, приводят к возникновению веры.

⁵ Понятие «менталитет» было введено в научный оборот в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном.

Особый акцент в трактовке менталитета делается на наличие в нем *бессознательного компонента*, выступающего в качестве некоего “вживленного образца”, обуславливающего предрасположенность его субъектов к определенным типам реакций (Фр. Граус). По утверждению немецкого историка У. Раульфа, менталитет – некая предрасположенность, внутренняя, неосознаваемая готовность человека действовать определенным образом, “область возможного для него” (История ментальностей..., 1996).

Проблема “психологического склада”, или менталитета, русского народа получила глубокое освещение в отечественном философско-психологическом и этнографическом знании XIX–XX столетий. Осмыслению особенностей русского национального характера, метафизических основ “народного духа” посвящены работы К. С. Аксакова, Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, Н. М. Карамзина, И. В. Киреевского, Н. И. Надеждина, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, М. П. Погодина, И. А. Сикорского, В. Л. Соловьева, С. М. Соловьева, А. В. Терещенко, П. А. Флоренского, А. С. Хомякова, Г. Г. Шпета, В. Ф. Эрнста, П. Д. Юркевича и многих других отечественных авторов. В этом ряду особо следует отметить вклад ученых Этнографического отделения Русского географического общества (К. Д. Кавелин, Н. И. Надеждин), а также созданного В. Н. Тенешевым Этнографического бюро в исследовании образа жизни, бытовой культуры, духовных ценностей народа (прежде всего, крестьянства) России. В результате сбора конкретных данных был накоплен богатейший уникальный материал, касающийся “психологического склада” русского народа. Как отмечает Е. А. Будилова, известный английский ученый Г. Спенсер сожалел, что не знает русского языка и не может познакомиться с этими уникальными материалами (Будилова, 1983).

В советской психологии первым к исследованию проблемы менталитета в конце 1960-х гг. обращается А. Я. Гуревич. Не используя на начальном этапе своих исследований само понятие “менталитет”, он достаточно полно описывает реальность, обозначаемую данным понятием. Начиная с 1980-х гг. в работах Гуревича уже используется понятие “менталитет”, которое определяется им как “духовный инструментарий”, “умственное оснащение народа”, воплощающее в себе “повседневный облик коллективного сознания” и включающее в себя социально-психологические установки, способы восприятия,

чувствования, мышления (Гуревич, 1972). Наряду с осознаваемыми, в нем представлены также неосознаваемые психические феномены: автоматически воспроизводимые действия, представления и формы поведения. “Неосознанность или неполная осознанность – один из важнейших признаков менталитета” (Гуревич, 1989, с. 115).

Проблеме менталитета посвящены работы многих современных отечественных ученых (К. А. Абульханова, Т. И. Артемьева, М. И. Воловикова, А. А. Гостев, А. Я. Гуревич, И. А. Джидарьян, И. Г. Дубов, Т. П. Емельянова, Н. А. Журавлева, Е. А. Климов, В. В. Колесов, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская, Е. В. Мочалова, Д. В. Полежаев, В. Е. Семенов, Е. Г. Синякина, А. Н. Славская, В. А. Соснин, А. В. Сухарев, Е. В. Харитонова, Е. Н. Холондович, А. В. Юревич и др.).

В определениях менталитета отмечается его обусловленность природными и социально-культурными факторами, объективированность в виде представлений его субъектов о разных явлениях действительности, их оценки и отношения к ним. Так, согласно Е. А. Климову, “ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания; в этом смысле она представляет собой специфический тип мышления... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность – то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире” (Климов, 2002, с. 399).

Интересным является представление И. К. Панарина о менталитете как о закрепленных в культуре народа таких понятий, как “судьба страны”, “единство характера исторических задач и способов их решения”, как о результате накопления исторического опыта народа, его памяти о прошлом, определяющих его мировосприятие и поведение.

В целом в науке сложилось *понимание менталитета* как психического склада народа, совокупности характерных для него психологических свойств, архетипов коллективного бессознательного, представлений о мире, склонностей и интересов, ценностей и идеалов.

СТРУКТУРА МЕНТАЛИТЕТА

В менталитете в неразрывном единстве сосуществуют осознаваемое и бессознательное, современное и архаичное, рациональное и чувственно-эмоциональное, укорененное и сиюминутное,

стабильное и изменчивое, традиционное и инновационное (Юревич, 2013). К его определению полностью подходит данная С.Л. Франком характеристика души как особой нерасчлененной и неструктурированной *целостности* – ее “сплошности”, “слитности”, “бесформенности единства”. Использование этого определения не случайно, ибо менталитет это и есть душа народа, то, что определяет его существование как специфической целостности.

Но, может быть, именно эта неопределенность, расплывчатость, сложность четкого структурирования данного феномена является подтверждением его необыкновенной емкости и многогранности (Ж. Ле Гофф).

Большинство авторов (И. В. Загороднова, Я. В. Зубкова, В. И. Карасик, Ю. Д. Коробков, Л. В. Лесная, О. Г. Прохвачева, А. А. Соколова, А. В. Сухарев, Н. М. Чернышева, Н. С. Южалина, А. В. Юревич и др.) при определении структуры менталитета, руководствуясь логикой его понимания как психологических особенностей народа, выделяют тот или иной (узкий или широкий) перечень психологических характеристик. Иногда этот список охватывает практически все психические явления, начиная от всего спектра познавательных процессов и до различных личностных и социально-психологических характеристик. Делаются также попытки определенным образом структурировать указанные признаки менталитета.

Такой путь анализа позволяет описать некую абстрактную универсальную *модель менталитета* – менталитета вообще. Но далее необходимо сделать следующий шаг – перейти от этой абстрактной универсальной модели к построению конкретной модели, отражающей специфику менталитета данного, конкретного народа (социальной общности). Признание того, что в менталитете любого народа представлены и рациональные, и эмоционально-чувственные, и поведенческие компоненты не продвигает к решению вопроса о том, чем отличается менталитет одного народа от другого. Очевидно, что нецелесообразным является выделение некоего единого менталитета, общего для всех народов. Данный феномен носит сугубо *конкретно-исторический* характер, является принадлежностью данного, конкретного народа на данной, конкретной стадии его развития и требует соответствующего подхода к его изучению. Более того, если раньше ставился вопрос о едином для всего общества менталитете, то в настоящее время обоснованно утверждают о существовании *полиментальности* (В. Е. Семенов) – об особой ментальности

разных социальных общностей: классов, этносов, профессиональных сообществ, возрастных и половых страт, жителей столицы и провинции, города и сельской местности и т.д. И каждая из них, по-видимому, имеет свои особые характеристики компонентов, объединенных в своеобразную структуру.

Представляется правомерным в качестве основного способа исследования менталитета использовать принципы системного подхода (Ломов, 1984), предполагающие раскрытие совокупности его психологических составляющих, выделение системообразующего стержня, определяющего взаимосвязи компонентов и объединяющих их в структурно организованное целое, включающее ядро (центральные, устойчивые, инвариантные составляющие) и динамичные периферийные слои.

Можно предположить, что в качестве *системообразующего* стержня менталитета русского народа выступают духовные качества – особенности высших ценностей, составляющих основу его мировоззрения, мировосприятия и системы отношений к разным сторонам действительности. Основой формирования такой системы русского менталитета стало мощное многовековое влияние православной церкви с ее высокими духовно-нравственными требованиями к человеку. Это подтверждается приоритетными позициями в системе ценностей русского народа добра, миролюбия, милосердия, справедливости, соборности, патриотизма, терпения, взаимопомощи.

Как пишет К. А. Абульханова, “самую главную черту российской психологии всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни” (Абульханова, 1997, с. 7–8).

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА

Становление менталитета – длительный и противоречивый процесс. Россия – это цивилизационно неоднородное образование, сложившееся из многочисленных этносов. Это особый сформировавшийся вид мирного сосуществования народов, относящийся к разным типам культур

и развития, объединенный мощным централизованным государством и общим культурным пространством, особенностями исторической судьбы, и создавший в результате совместного бытия и взаимодействия проживающих на территории России этногрупп особое культурно-психологическое образование – *единый российский менталитет*. Для понимания сущности российского менталитета важно раскрыть факторы его формирования, так как именно ими определяются те его сущностные характеристики, которые в относительно устойчивом или преобразованном виде сохраняются в психологии народа и на современном этапе его развития.

Среди них важную роль все исследователи российского менталитета отводят *природным условиям* (географическим, климатическим). С одной стороны, это внешние по отношению к нему факторы (экстраментальные), с другой, – это та органическая для него среда, которая, будучи освоена сознанием людей, становится составляющей их внутреннего мира. В этом отношении национальная картина природы, отображенная в языке, мифологии, фольклоре, обыденном мирозерцании, в философии и искусстве, а также в образе жизни и культуре повседневности, выступает в качестве важной части культуры народа, его менталитета.

На формирование психологии русского народа, считает М. Н. Погодин, большое влияние оказали, прежде всего, равнинный характер западно-европейской части России и огромная территория расселения славянских племен. Легкость перемещения по такой территории породила, по его мнению, объективную потребность в сильном государстве, которое выступало единственной силой, способной объединить и организовать этот аморфный конгломерат людей (Погодин, 1874).

Ведущую роль природных условий в формировании русского национального характера отмечает С. М. Соловьев. Для подтверждения он проводит сравнительный анализ становления русского и европейских народов (Соловьев, 1851).

В. О. Ключевский, анализируя жизнь русского народа, указывает, что она проходила в тяжелой борьбе с природой (“с лесами и болотами своей страны”). Короткое теплое время, недостаток плодородных земель, летние засухи и суровые зимние морозы, незначительность береговой линии морей создавали огромные трудности для народа и требовали для их преодоления огромной затраты сил. Вместе с тем именно жизненные трудности сформировали такие черты русского национального характера, как осмотрительность,

непритязательность, способность стойко переносить лишения, выносливость, удивительная работоспособность (Ключевский, 1993).

По мнению А. В. Терещенко, особенности природно-климатических условий оказывали серьезное влияние на бытовую жизнь русского народа (его жилища, хозяйственную деятельность, обрядовую культуру и т.д.) и психологию русского народа: русские люди, “испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели” (Терещенко, 1997, с. 14).

Согласно Н. А. Бердяеву, “необъятные пространства тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей... Широкий русский человек, широкий как русская земля, как русские поля” (Бердяев, 1997, с. 66).

К. Д. Кавелин видит одну из причин особенностей психологии русского народа как “своеобразного этнографического и общественного типа” в истории его перманентных переселений на новые территории, их колонизации и освоения, сопровождающихся смешением с проживающими там другими племенами (Кавелин, 1989б).

Всеми исследователями менталитета русского народа признается роль *духовно-религиозного фактора* в его формировании. Так, И. А. Киреевский основой (“внутренним ядром”) русского менталитета считает духовную сферу, в связи с чем огромную роль в развитии русского народа отводит религии как главному источнику его духовного опыта, фактору, формирующему его духовный мир, определяющему тип мышления, образованности и строй общественной жизни в целом. В единстве убеждений, верования – *причина консолидации* русского народа, осознания им себя как одного живого целого. Из православного мировосприятия вытекали и определялись им не только духовные, но и нравственные, общежитейские, юридические представления и понятия русского народа. Христианские начала лежат и прочно сохраняются также в бытовой жизни народа, в общественном устройстве России. Согласно Киреевскому, мировоззрение славян формировалось под влиянием “художественно-созерцательной” культуры Греции, восточного мистицизма, а также пришедшего из Византии православия. Европейские народы – восприимчивики католической

ветви христианства и рассудочной римской культуры с ее культом насилия, завоевания, полного обесценивания человеческой личности. Говоря об особенностях западной ветви христианства – католичестве, он подчеркивает присущее ему доминирование рационализма и “внешней разумности” над “внутренним духовным разумом”. В православии отсутствовали, как борьба веры против разума, так и торжество разума над верою. Оно сумело сохранить чистоту христианского вероучения (Киреевский, 1852).

А. В. Терещенко подчеркивает, что именно православие сделало людей, живущих на огромных просторах страны, говорящих на разных языках, имеющих различную бытовую культуру, единым народом. Во все времена русские люди являли пример *глубокой и искренней веры*, берегли и охраняли свои святыни от любых посягательств извне: “Русский предпочтет лучше умереть, нежели захочет видеть православие униженным; но допустить ругаться над его храмами и алтарями – это невозможно! ... Кто нападает на его веру, тот нападает на его отечество, потому прежде надобно истребить веру, чтобы... уничтожить народ, даже завладеть им!” (Терещенко, 1997, с. 48).

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование русского национального характера, согласно Терещенко, является *историческая судьба народа России*, вместившая в себя ряд кардинальных поворотов в его развитии, длительное пребывание под татаро-монгольским игом, отражение многочисленных чужеземных вторжений.

По мнению К. Д. Кавелина, ведущим фактором формирования русского национального характера является *особое общественное устройство России*. Кавелин отмечает, что в Европе центром общественной жизни является город, а типичным ее представителем – горожанин, буржуа. Великобритания – прежде всего, селянин; Россия – “мужичье царство”. Основой общественного устройства России изначально выступал дом, двор. Из него как из базовой ячейки произошли и получили дальнейшее развитие все формы организации государственной и общественной жизни: возникновение крепостного права и русской общины, затворничество женщин, доминирование у великороссов личных, семейных интересов над общественными. Этим определялись также нравы и представления русских людей (Кавелин, 1898, с. 14). Особое внимание Кавелин уделяет сельской общине, видя в ней гарантию стабильности и благополучия русского народа и государства (Кавелин, 1989а, с. 95).

Сложность и противоречивость русской культуры и менталитета русского народа обусловлены *особым геополитическим положением России*, находящейся между Востоком и Западом и открытой для проникновения в ее жизнь элементов развивающихся там цивилизаций. Этим, по мнению Н. А. Бердяева, объясняется сложность и антиномичность русской души. Он пишет, что “в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко–Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное” (Бердяев, 2000, с. 112).

Наконец, большая роль в историогенезе русского менталитета отводится *русскому языку*, который, по словам Терещенко, представляет собой “таинственный узел народности”, скрепляющий людей между собой. Согласно К. С. Аксакову, прежде всего благодаря языку обеспечивается единство народа. Слово оценивается им как орудие духовной деятельности, то, что определяет сознание и самого человека.

ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Базовые черты, характеризующие менталитет того или иного народа, отличаются *стабильностью*, сохраняются на протяжении многих столетий. Даже претерпевая некоторые изменения под влиянием глобальных преобразований в социальной организации общества и образе жизни народа, присущие ему ментальные свойства остаются в своей основе постоянными, что обеспечивает его самоидентификацию на всех этапах исторического развития. Так, обращаясь к Древней Руси, к периодам монголо-татарского ига или борьбы русского народа с наполеоновским вторжением, к истории советского государства или современной России, можно обнаружить много сходных черт в психологии людей этих периодов, так как везде развивается и действует *один* народ, создатель и носитель *одной* культуры и ментальности.

Однако менталитет не является неким абсолютно неизменным образованием. Он создается *коллективным субъектом* и определяется особенностями его жизнедеятельности, в процессе изменения которой возникают и накапливаются новые ментальные характеристики. Это касается, прежде всего, периферийных характеристик менталитета, ибо его ядерные свойства

обладают большей устойчивостью и консервативностью. Трудно представить возможность преобразования архитипического начала в менталитете, также, как и его базовых черт.

Согласно Н. Я. Данилевскому, ядром любого культурно-исторического типа народа выступает духовное основание – верования, ценности, идеалы. Оно поддерживается силой традиции, сложившимися ритуалами, укоренившимися обычаями. Сохранение этого ядра означает сохранение культуры и менталитета народа. С его разрушением возникает новая культура и новый менталитет как ее глубинное основание.

XX век с его мировыми войнами, кровавыми революциями, коренными поворотами в исторической судьбе русского народа внес значительные *коррективы* в его культуру и менталитет и предопределил *новые тенденции* в социокультурных процессах, протекающих на громадном этнокультурном пространстве России. Безусловно, огромное влияние на судьбу русского народа и его менталитет оказала революция 1917 г., заложившая начало кардинального преобразования традиционных устоев жизни, насильственной “переделки” веками существовавших норм, ценностей и идеалов русских людей. Ставилась задача создания нового типа личности – советского человека. Для ее решения использовался мощный арсенал идеологического воздействия и репрессивная сила государственной машины. Удар наносился, прежде всего, по самой сердцевине русской культуры и духовности – религии, которая целенаправленно разрушалась, объявлялась “опиумом для народа”. Отвергнутая религия замещалась новой – религией классово-пролетарской революции, коммунизма. Как пишет Н. А. Бердяев, коммунизм “сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. ... Коммунизм есть исповедание определенной веры, веры, противоположной христианской. ... Коммунисты любят подчеркнуть, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания” (Бердяев, 1981, с. 120, 135).

Коммунистическая мораль декларировала новые нормы отношений и предъявляла суровые требования к человеку. Социально одобряемыми становились, прежде всего, такие качества, как преданность делу революции, бдительность и жесткая, непримиримая борьба с ее врагами, твердость духа, сплоченность, героизм

революционной борьбы. Христианским добродетелям в этом перечне места не отводилось.

Конечно, никакие запреты и репрессивные меры не могли истребить в душе человека веру. Она сохранялась в глубинах русской души, хотя при этом тщательно скрывалась от социального окружения. В результате в психологию человека на смену искренности и открытости приходят закрытость и “двойная мораль” – внешне демонстрируемые новые нравственные нормы и ценности и сокровенные внутренние традиционные нравственные убеждения; свобода и независимость в суждениях заменяется конформизмом; толерантность по отношению к иным культурам и народам преобразуется в отчуждение и широкое непринятие инаковости.

Дальнейшая история развития советского общества продемонстрировала силу традиции, выступившей преградой на пути замышляемой тотальной перестройки психологии человека. Народ сумел сохранить присущие ему ценности, катакомбно развивая и передавая их от одного поколения другому. Ментальность народа и русская культура, сформировавшиеся в многовековой истории, выжили и победили в схватке с антисистемными, по словам Л. Н. Гумилева, влияниями. Без сомнения, этому в немалой степени способствовали трагические годы войны, сплотившие народ и на фоне некоторого ослабления идеологического давления актуализировавшие его лучшие традиции, глубинные, корневые пласты его души. Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что духу русского менталитета соответствовали утвердившиеся в советском обществе *принципы* коллективизма, патриотизма, жертвенности и страдания во имя высших целей, социальной справедливости, государственности, сотрудничества и взаимопомощи. Героическими усилиями народа в неимоверно трудных условиях была создана великая держава, многие достижения которой вызывали у людей законное чувство гордости. В нравственной сфере, несмотря на многочисленные идеологические препоны, вновь утверждаются традиционные для русского народа отношения взаимопомощи и поддержки. Более того, они декларируются как основополагающие нормы человеческого общежития на государственном уровне, кладутся в основу воспитательной работы. Подтверждением этого выступает, в частности, “Моральный кодекс строителя коммунизма”, по сути, представляющий собой изложение в секуляризованной форме общечеловеческих норм и ценностей.

Обращаясь к современной действительности, следует констатировать, что сегодня вновь во имя неких иллюзорных целей делается попытка разрушить то духовное наследие, которое досталось нам от предков, и благодаря тяжелейшим жертвам было сохранено в XX столетии. В сознание нашего народа внедряются чуждые ему ценности индивидуалистической морали, космополитизма, прагматизма, конкурентности; вновь правят бал жестокость, агрессия и насилие. Общество раскалывается на полярные классы богатых и бедных, утрачивается его социально-психологическое единство. Обосновывается приоритет личных интересов над общественными. Критериями достоинства человека провозглашаются его предприимчивость и способность к обогащению. Свобода рынка как высшая либеральная ценность противопоставляется, якобы, деструктивной идее государственного регулирования социально-экономических процессов в стране.

В 1990-е гг. народу активно навязывалась мысль о том, что патриотизм является религиозно-политическим атавизмом великодержавных амбиций царской России и советского тоталитаризма. Само понятие патриотизма в таком осмыслении становилось в своем существе резко отрицательным. С экранов телевизора звучала вырванная из контекста фраза о том, что «патриотизм — последнее прибежище негодяев». Тем самым делалась попытка подорвать корневые свойства нашего менталитета, всегда включавшего патриотизм и государственность как базовые социальные и личностные ценности.

Сознательный отказ от идеологии автоматически привел к упразднению *воспитания как фактора формирования личности*. При этом акцент на всех уровнях образовательной системы делается на подготовку «способных менеджеров», умеющих манипулировать информацией в интересах достижения своих целей. Школа уже не учит детей мыслить, рассуждать, аргументировать, видя свою главную задачу в «натаскивании» учащихся в целях успешной сдачи ЕГЭ. Деидеологизация общества и умаление роли гуманитарных наук открыло простор для тотального искажения истории России, которая рисуется в самых темных красках. Русский народ предстает в ней как агрессивный, бездеятельный, ленивый, консервативный, неспособный воспринимать ценности цивилизованного мира.

К счастью, в последние годы ситуация начинает меняться. Появилась Государственная

программа патриотического воспитания граждан РФ. В выступлениях Президента страны В. В. Путина остро ставятся вопросы о важности нравственного воспитания личности, необходимости сохранения традиционных для нашего народа ценностей. Проведена работа по созданию единого учебника по истории России, призванного адекватно освещать основные события прошлого. Все это вселяет надежду на грядущее неизбежное духовно-нравственное возрождение российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М., 1997.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1981.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества // Бердяев Н. А. М., 1989. С. 9–250.
4. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX века // Судьба России. М., 1997. С. 43–271.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Самопознание. М., 2000.
6. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986.
7. Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
8. Гачев Г. Д. Ментальность народов мира. М., 2003.
9. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
10. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. М., 1989.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / 5-е изд. СПб., 1895.
12. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1873 год // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. Л., 1994.
13. Ильин И. А. О русской идее. [Электронный ресурс]. URL: www.pravoslavie.ru/367.html
14. История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
15. Кавелин К. Д. Взгляд на русскую сельскую общину // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии, русской истории и культуры. М., 1989. С. 95–123.

16. *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии, русской истории и культуры. М., 1989а. С. 171–255.
17. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 1–68.
18. *Климов Е. А.* Профессиональный менталитет и одна психологическая гипотеза // Душков Б. А. Психология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002.
19. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 1993.
20. *Коннов В. И.* Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 19–27.
21. *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. М., 1984.
22. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
23. *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М., 2005.
24. *Пащенко-де Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е.* Социальные представления об ответственности у молодежи России и Франции: кросскультурный анализ // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 87–98.
25. *Погодин М. Н.* О влиянии внешней политики на внутреннюю // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 245–271.
26. *Сикорский И. А.* Черты из психологии славян. Киев, 1899.
27. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 1851. Т. 1.
28. *Терещенко А. В.* Быт русского народа: В 4 т. М., 1997. Т. 1.
29. *Шефер Б., Шледер Б.* Интернациональность и национальное своеобразие науки // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 90–94.
30. *Юревич А. В.* К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 89–100.
3. *Berdjaev N. A.* Filosofija svobody. Smysl tvorčestva // Berdjaev N. A. Moscow, 1989. P. 9–250. (In Russian).
4. *Berdjaev N. A.* Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX v. i nachala XX veka // Sud'ba Rossii. Moscow, 1997. P. 43–271. (In Russian).
5. *Berdjaev N. A.* Russkaja ideja. Samopoznanie. Moscow, 2000. (In Russian).
6. *Blok M.* Apologija istorii ili Remeslo istorika. Moscow, 1986. (In Russian).
7. *Budilova E. A.* Social'no-psihologičeskie problemy v russkoj nauke. Moscow, 1983. (In Russian).
8. *Gachev G. D.* Mental'nost' narodov mira. Moscow, 2003. (In Russian).
9. *Gurevich A. Ja.* Kategorii srednevekovoj kul'tury. Moscow, 1972. (In Russian).
10. *Gurevich A. Ja.* Smert' kak problema istoričeskoj antropologii: o novom napravlenii v zarubezhnoj istoriografii // Odissej. Čelovek v istorii. Moscow, 1989. (In Russian).
11. *Danilevskij N. Ja.* Rossija i Evropa / 5-e izd. St. Petersburg., 1895. (In Russian).
12. *Dostoevskij F. M.* Dnevnik pisatelja 1873 god // Dostoevskij F. M. Sobr. soch.: V 15 t. V. 12. L., 1994. (In Russian).
13. *Il'in I. A.* O russkoj idee. [Elektronnyj resurs]. URL: www.pravoslavie.ru/367.html
14. *Istorija mental'nostej. Istoričeskaja antropologija. Zarubezhnye issledovanija v obzorah i referatah.* Moscow, 1996. (In Russian).
15. *Kavelin K. D.* Vzgljad na russkuju sel'skuju obshhinu // Kavelin K. D. Nash umstvennyj stroj. Stat'i po filosofii, russkoj istorii i kul'tury. Moscow, 1989. P. 95–123. (In Russian).
16. *Kavelin K. D.* Mysli i zametki o russkoj istorii // Kavelin K. D. Nash umstvennyj stroj. Stat'i po filosofii, russkoj istorii i kul'tury. Moscow, 1989а. P. 171–255. (In Russian).
17. *Kireevskij I. V.* O haraktere prosveshhenija Evropy i o ego otnošenii k prosveshheniju Rossii (Pis'mo k grafu E. E. Komarovskomu) // Moskovskij sbornik. Moscow, 1852. T. 1. P. 1–68. (In Russian).
18. *Klimov E. A.* Professional'nyj mentalitet i odna psihologičeskaja gipoteza // Dushkov B. A. Psihologija mentaliteta i noomentaliteta. Ekaterinburg, 2002. (In Russian).
19. *Ključevskij V. O.* Russkaja istorija. Polnyj kurs lekcij. Moscow, 1993. (In Russian).
20. *Konnov V. I.* Social'no-psihologičeskie osnovy nacional'noj nauchno-issledovatel'skoj kul'tury // Psihologičeskij žurnal. 2014. V. 35. № 5. P. 19–27. (In Russian).

REFERENCES

1. *Abul'hanova K. A.* Rossijskij mentalitet: kross-kul'turnyj i tipologičeskij podhody // Rossijskij mentalitet: voprosy psihologičeskoj teorii i praktiki / Eds.: K. A. Abul'hanovoj, A. V. Brushlinskogo, M. I. Volovikovoju. Moscow, 1997. (In Russian).
2. *Berdjaev N. A.* Istoki i smysl russkogo kommunizma. Moscow, 1981. (In Russian).

21. *Lihachev D. S.* Zametki o russkom. Moscow, 1984. (In Russian).
22. *Lomov B. F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Moscow, 1984. (In Russian).
23. *Losskij N. O.* Harakter russkogo naroda. Moscow, 2005. (In Russian).
24. *Pashhenko-de Previl' E., Drozda-Senkovska E.* Social'nye predstavlenija ob otvetstvennosti u molodezhi Rossii i Francii: krosskul'turnyj analiz // Psihologicheskij zhurnal. 2013. V. 34. № 2. P. 87–98. (In Russian).
25. *Pogodin M.N.* O vlijanii vneshnej politiki na vnutrennjuju // Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenie Krymskoj vojny. Moscow, 1874. P. 245–271. (In Russian).
26. *Sikorskij I. A.* Cherty iz psihologii slavjan. Kiev, 1899. (In Russian).
27. *Solov'ev S. M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen. 1851. V. 1. (In Russian).
28. *Tereshhenko A. V.* Byt russkogo naroda: V 4 t. M., 1997. V. 1. (In Russian).
29. *Shefer B., Shleder B.* Internacional'nost' i nacional'noe svoeobrazie nauki // Psihologicheskij zhurnal. 2014. V. 35. № 1. P. 90–94. (In Russian).
30. *Jurevich A.V.* K probleme bazovyh komponentov nacional'nogo mentaliteta // Psihologicheskij zhurnal. 2013. V. 34. № 4. P. 89–100. (In Russian).

ESSENTIAL CHARACTERISTICS AND FACTORS OF RUSSIAN MENTALITY FORMATION

V. A. Kol'tsova^{1*}, L. A. Zhuravlev^{1**}

¹*Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, 129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, Russia;*

**Sc.D. (psychology), professor, Deputy Director.*

E-mail: fotus@yandex.ru

***Academician of RAS, Director of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: adm3@psychol.ras.ru

Received 09.01.2017

Abstract. The results of theoretical analysis of mentality problem are presented. The structure of the phenomenon is examined, their essential characteristics, functions in person and society development and relation with culture are revealed. The necessity to apply system approach as a condition for mentality peculiarity revealing has been grounded. Based on works of such researchers as N.A. Berdyaev, N. O. Losskij, K. D. Kavelin, I. V. Kireevskij, V. O. Klyuchevskij, D. S. Likhachev, M. P. Pogodin et al. psychological characteristics of Russian people (piety, conciliarism, patience, ability to endure hardships, patriotism, priority of spiritual values over material ones, “thirst for justice”, searching for truth desire, etc for “truth searching” etc.) have been highlighted. Factors of Russian mentality formation (nature-geographical, peculiarities of historical development, way of life and every-day culture, the role of orthodoxy as a spiritual grounds and language et al.) have been examined. Relationship between traditionality and innovation in mentality development has been analyzed.

Keywords: mentality, structure of mentality, factors of mentality formation, unconscious nu components, national character, self-identity and self-identification of people